

Пространственное развитие — приоритет знанию или мудрости?

Экономическое развитие характеризуется не только чередованием периодов подъема и спада, но и наличием более и менее успешных территорий – как в мире в целом, так и в рамках отдельных стран и даже локальных образований (штаты, области, муниципалитеты и проч.).

Не одно поколение исследователей посвятило свои работы изучению факторов, влияющих на успешность и неуспешность развития экономики в ее пространственном представлении (см. статью Л.В. Мельниковой в номере).

Теоретические дебаты по вопросам неравномерности пространственного развития имеют «прямой выход» на решение практических задач. Речь идет о концентрации экономической активности в агломерациях и всемерной ее поддержке посредством единообразной экономической политики либо, напротив, поощрении и поддержке потенциала территорий мерами, в большей степени учитывающими местные условия и особенности.

Значительное продвижение в понимании процессов пространственного развития, по единодушному мнению авторов настоящего номера (Н.В. Зубаревич, Е.А. Коломак и Л.М. Мельниковой), связано с «новой экономической географией», значительный вклад в развитие которой внес П. Кругман. Разделение всех факторов, создающих и обеспечивающих экономическое развитие, на факторы «первой» и «второй» природы позволяет принять во внимание не только естественные условия, но и институциональную среду, качество человеческого капитала, обеспеченность инфраструктурой и т.д.

Данные обобщения представляются важными и необходимыми – сами по себе естественные условия не являются экономическими активами и не создают никаких потоков ценности. Взаимодействие хозяйствующих субъектов в процессе их деятельности в рамках, задаваемых институциональными

условиями в границах определенной территории, обеспечивает получение отдачи от имеющихся ресурсов и, в конечном счете, экономическое развитие. Чем больше концентрация всех факторов (и «первой», и «второй» природы), тем выше отдача (вследствие «экономии от масштаба») и тем значительнее экономический рост.

С данными соображениями согласится, думается, каждый.

Однако дальше начинается уже соединение экономики и экономической политики. Из вывода о непреложности действия фактора «экономии от масштаба» делается также «непреложный» вывод о целесообразности сосредоточения основных усилий экономической политики в... крупных центрах и агломерациях. При этом развитие периферии не отрицается, а выносится также на... периферию. А агломерация, центр – по мере развития и укрепления своего экономического (инновационного, финансового, человеческого и проч.) потенциала реализует политику поддержки удаленных и неурбанизированных территорий. Тем самым сохраняются определенная целостность и «экономическое единство» пространства страны.

Такой подход имеет очевидную подоплеку – осязаемый рост экономической отдачи в небольшом числе агломераций (при этом вопрос о столь же впечатляющем влиянии на общие темпы развития страны остается открытым), относительную простоту администрирования и реализации подобной экономической политики, возможность концентрации всех ресурсов «в одних руках» (в российском варианте).

К чему приводит подобная экономическая политика на деле? К тому, что сверхцентрализация из условия экономического роста трансформируется в свою противоположность – «барьер экономического развития» (см. статью Н.В. Зубаревич). При этом в России наблюдается уникальное явление: формируемые на отмеченных выше принципах «институциональные факторы слабо или негативно влияют на развитие пространства».

Особенность современной российской экономики в том, что значительная роль налоговых поступлений и доходов от минерально-сырьевого сектора (при благоприятной ценовой конъюнктуре) в формировании госбюджета позволяет обеспечивать поддержание определенного (в каком-то смысле «равновесного»

с точки зрения социальной стабильности) уровня жизни населения (и даже снижение межрегиональных различий в уровне жизни в 2000-е годы, как отмечено в статье Н.В. Зубаревич). При отсутствии подобного источника нетрудно предвосхитить социально-экономическую динамику – акции общественного протеста и глубокий политический кризис. За примерами далеко ходить не надо, ситуация на Украине является иллюстрацией развития событий по данному сценарию – низкий уровень жизни, коррупция и автаркия привели страну на грань экономического и политического коллапса.

И теория, и практика убедительно говорят о том, что универсального решения проблемы пространственной неравномерности не существует – важны как «факторы первой и второй природы» П. Кругмана, которые обеспечивают рост отдачи в агломерациях, так и учет и поощрение развития местных специфических для каждой территории эндогенных факторов роста. Ранее мы на примере феномена «сланцевой революции» в США и, вообще, тех процессов, которые происходят в мировом нефтегазовом секторе, писали о том (№ 8 «ЭКО» за 2013 г.), что под влиянием институциональных условий («факторов второй природы») меняется и представление об исходных условиях экономического развития («факторах первой природы»).

В современном мире гетерогенность факторов и условий все в большей степени является одной из важнейших предпосылок экономического развития. Различие территорий, наличие у них уникальных особенностей значительно расширяют круг возможностей и направлений их развития. Это в полной мере относится и к сельскому хозяйству – сверхцентрализация аграрного бизнеса в России помогла решить определенные неотложные задачи, но в то же время создала и много проблем (таких, как отчуждение работников и рациональное использование земель, и ряд других – статья Т.Г. Нефёдовой).

Пространство «сопротивляется» схематизму и слепому копированию плохо заученных «истин». В России, например, не реализуются «обоснованные ожидания» темпов «сжатия экономического пространства» – как показано на большом эмпирическом материале в статье Е.А. Коломак, «прогноз о существенном перераспределении экономической активности с востока на запад не подтверждается».

К сожалению, все отмеченные «уроки» и выводы – основанные как на теоретическом поиске, так и на скрупулезном изучении пространственной экономики, усвоены не всеми и не везде. Пример – очередная попытка сочетания универсальности подхода и пространственной привязки при реализации проектов в рамках «территорий опережающего развития» (после неоднократных «экспериментов» с различными «экономическими зонами» – от Владивостока до Сочи и от Камчатки до Калининграда).

В основе успешности преодоления пространства, как нам кажется, лежат два основополагающих принципа – с одной стороны, децентрализация процесса подготовки и реализации решений (при обязательном снятии всех надуманных бюрократических норм и барьеров – таких, как, например, сроки действия и процедуры предоставления налоговых преференций), а с другой – мудрость и взвешенность реализуемой политики. О последнем заставляет задуматься многовековая история Китая, которая, как отмечается в работе Марселя Гране, «замечательна своей непрерывностью»¹. В основе непрерывности лежит Мудрость – взвешенное и всестороннее понимание различных сторон жизни (а не законченная – как это принято в Философии – система суждений и выводов об окружающем мире).

Критерием правильности решений в сфере региональной политики в этом случае могут служить не только общие темпы экономического развития страны, но и действия территорий в соответствии, например, с известным советом Конфуция: в государстве «хорошее управление достигается тогда, когда те, кто находится близко, становятся счастливыми, а те, кто находится далеко, стараются быть еще ближе...»².

Главный редактор «ЭКО»

КРЮКОВ В.А.

¹ Гране М. Китайская мысль от Конфуция до Лаоцзы. – М.: Алгоритм, 2008. – С. 21.

² Бутромеев В. Мудрость Конфуция. Афоризмы и поучения. – М.: ОЛМА Медиа-Групп, 2010. – С. 251.